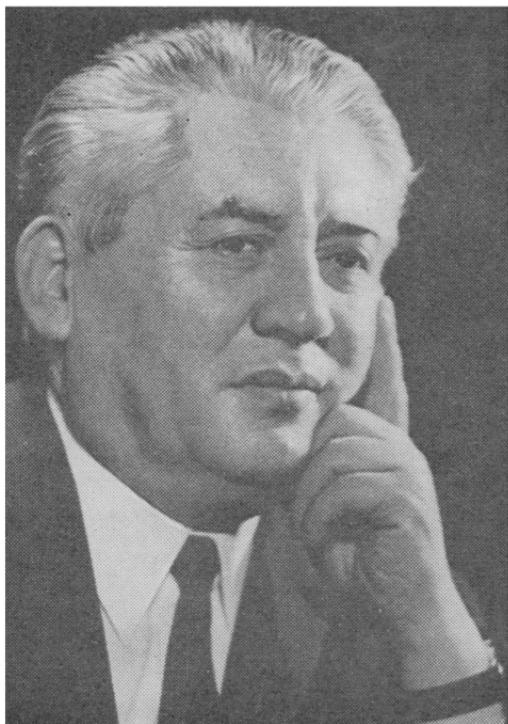

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 8

1971

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

ОТ ГАНГА
ДО КРЕМЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 8

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

ОТ ГАНГА ДО КРЕМЛЯ

ПОЭМА

*Перевел с таджикского
С. Липкин*

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1971

Герой поэмы лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда Мирзо Турсун-заде — индийский общественный деятель Пратап Раджа Махендра Пратап, посвятив свою жизнь делу освобождения Индии, призывал бороться с колонизаторами «путем ненасилия». С 1915 года он жил в Кабуле (Афганистан), где создал Временное эмигрантское правительство Свободной Индии. 7 мая 1919 года Пратап вместе со своими единомышленниками посетил В. И. Ленина и оставил об этой встрече воспоминания. После изгнания колонизаторов Пратап вернулся на родину, в течение многих лет был членом индийского парламента. Пратап — друг Советского Союза.

В 1968 году автор был в гостях в городе Дехрадуне у героя своего произведения.

ВСТУПЛЕНИЕ

Я начал слово про того индийца,
Который в дальний путь решил пуститься,

Покинуть отчий край, домашний круг,
Поместья, преданных друзей и слуг,

Познать Восток, изведать Запад властный,
Печалиться об Индии прекрасной,

Мечтать о воле для страны родной
И знать, что гибель дышит за спиной,

И Кремль увидел после долгих странствий —
Источник света на земном пространстве.

Из Индии он шел по всей земле,
А свет для Индии нашел в Кремле.

Я посвящаю слово сыну Индии,
Что Ленину принес кручину Индии.

Ту руку, что вела весь род людской,
Пожал он смуглою своей рукой...

Всю жизнь искал он правды божьей, жреческой,
Но устремился к правде человеческой,

И, все еще душою предан богу,
В революционный Кремль нашел дорогу.

Москвою дух и разум окрыля,
Он принял почеть часовых Кремля.

Он к Ленину пришел как друг, как близкий,
Ему поведал о беде индийской,

И вождь, с произношеньем чуть картавящим,
Индийца-раджу величал товарищем.

С тех пор прошло полвека... Мне хотелось
Найти того, чья незабвенна смелость,

Кто шел от гималайских облаков
И в Кремль пришел, возглавив ходоков.

Поэзия, должна ты потрудиться,
Должна ты отыскать того индийца,

Должна понять и путь его и суть,
В его глаза и сердце заглянуть.

ЛАСКОВОЕ СЛОВО И ЗМЕЮ ВЫМАНИТ ИЗ ЛОГОВА

Снега сбежали с гор, уже растаяв.
Так размышлял на склонах Гималаев

Пратап: «Весь путь я вижу, мною пройденный.
Я отдал жизнь освобождению родины,

В разлуке с ней пылал в краях чужбины,
Пылал — и таял, словно снег вершинный.

Два века длится чужеземный гнет.
Разгневанная Индия встает,

И мятежами вся земля багрима:
Как бы Спартак поднялся против Рима!

Народ страдал — и вот народ восстал.
На улицах пахучий жгут сандал.

Но людям не устану говорить я:
«Земля погибнет от кровопролитья!

Да будет каждый близок вам, как брат.
Как вешний ветерок, развеите смрад.

Не яд, а сладость слова обнаружим
И ненасилье сделаем оружием!

Искусник речью сладостной своей
Из логова выманивает змей.

Мы все мечтаем о народном благе.
Но разве скалы сдвинет сила влаги?

Храбрец врага раздавит непоборного,
Коль станет тверже мельничного жернова!

Коль суждено сгореть дурной траве,—
Пусть, словно дым, исчезнет в синеве.

Мне хочется, чтоб острие кинжала
Не кровью — блеском солнечным сверкало!»

РАССКАЗ О ФАЗАНЕ И ЯСТРЕБЕ

Однажды предо мной свершал парение
Фазан в своем нарядном оперении.

С пурпурным клювом луговая птица
Не уставала в воздухе кружиться,

Как бы купалась в радужной воде,
Не думая, не зная о беде,

На солнце красовалась ярко, молодо,
А крылья были у нее из золота.

Увидел ястреб ту беспечность птичью
И разом устремился на добычу,

И алчностью и злобой обуян,
Но ускользнул от хищника фазан.

Он притаился, травами сокрытый.
И стали заросли ему защитой.

Кокосовый орех, бамбук, тростник
Образовали для него тайник:

Для тех, кому грозит кровопролитье,
Тайник природы — лучшее укрытье!

Свободное жалея существо,
Я с гневом заступился за него:

«О ястреб, почему дитя фазанье
Должно изведать от тебя терзанье?

Охотник здесь выслеживает дичь,
Но пуля может и тебя настичь,

И если ты не пощадишь фазана,
Погибнешь сам негаданно-нежданно.

Ты вольной жизни свет и благодать
Ни у кого не вправе отнимать.

Ты ради зла свои расправил крылья,
Но сила доброты сильнее насилья!»

НАШЕСТВИЕ ДЕВУШЕК

Пратап подумал: «Как ни страшен гнет,
Желанье жизни вечно в нас живет.

Подвергнем ли страдальцев укоризне
За то, что жаждут, страстно жаждут жизни?

Ведь каждый человек есть целый мир:
Так радостным и вольным сделай мир!

Средь голода, бескормиц, недорода
Над смертью торжествует жизнь народа.

Дорогу дней объемлют с двух сторон
То свадьбы звон, то слезы похорон...

Я помню вечер, свадебное шествие,—
Пленительное девушек нашествие

На улицу, где обитал жених.
Неспешно шли слоны в шелках цветных,

И раковины голосами трубными
Немолчно разговаривали с бубнами,

И уши у слонов, казалось, тоже
Хотят звенеть, на бубны так похожи!

А на слонах в чалмах, в одеждах праздника,
В цветах, что ярко и душисто разнятся,

Сидели музыканты и певцы,
Веселья, наслаждения творцы,

Все время в бубны, в барабаны били.
Невеста позади — в автомобиле,—

Стесняясь, ожидая, трепеща,
Сияла, как в фонарике свеча.

Сплетенные с девическими косами,
Пылали розы, пахнущие росами.

Подружки — как два розовых куста,
Чья только что раскрылась красота.

Иль девушки себя творили заново
Из роз, из цветника благоуханного?

Их имена — на белизне венков,
А буквы — из багряных лепестков.

Почтительно приветствуя невесту,
Стремилась люди к праздничному месту,

Шли юноши — ровесники весны:
В невесту были тайно влюблены.

Открылось тем, кто за невестой следовал,
Как ветер с косами ее беседовал.

Каким окажется ее жених?
Ей ждать хороших дней или дурных?

Но твердо знает, в дом его вступая:
Запретна для нее любовь другая.

Пора девичества, пора смятения
Прошла; приходит час ее цветения...

Глаза у бедной матери печальны.
Звон свадьбы для нее — как зов прощальный.

В дом жениха она приводит дочь.
Да будет ночью счастья эта ночь!

Кто девушку наставит и утешит?
Кто волосы ей ласково причешет?

Кто с ней поговорит в часы вечерние,
Чтобы все тайны выслушать дочерние?

Без дочери как в доме жить пустом?
Кто приберет их приумолкший дом?

Ее дитя сегодня станет женщиной,
Супругу незнакомому обещанной,

Но мать есть мать, и ей ребенок дорог...
А за невестой следовали сорок

Красавиц с черной родинкой на лбу.
Заманчиво вмешаться в их гурьбу!

Пред материнским взглядом озабоченным
Они сверкали серебром отточенным...

Слились их брови, взор темнеет карий,
И на плечо конец закинут сари.

До пояса нисходит смоль волос,
И рдеет за ушами пламя роз.

Ступают — на ногах звенят запястья,
Как бы суля: «И ты достигнешь счастья!»

Ступают — и сулит им звон серег:
«И ты взойдешь к супругу на порог!»

Ступают — и стремится к ним навстречу
Мать Индия с ласкающей речью.

Все девушки — и в этом нет греха —
Ночь проведут в жилище жениха...

Ужасен гнет, но жизнь шумит прекрасная,
Над смертью смелую победу празднуя.

Снег тает, а вершина остается.
Трус гибнет, а мужчина остается».

ЗОВ ЗЕМЛИ

Тревогой напоенная живой,
Река о камни билась головой.

Сквозь города, и горы, и пустыни
Пришел Пратап к реке, пришел к святыне,

Воскликнул, руки приложив к груди:
«О Ганг, себя и нас освободи!

О Ганг, ты рвешься к воле, но доколе
Нам, людям, надо мучиться в неволе?

Затоптаны захватчиком поля,
Тоскуя, всходов не дает земля

И с каждым днем становится бесплодной.
Ты — рай, но ты струишься в преисподней!

Ты понял ли земли протяжный зов,
Мятежный гул крестьянских голосов?

Что слышится тебе в завете Индии?
«Восстань, народ, воспряньте, дети Индии!

Иль вы, познав позор и вероломство,
На рабство обрекли свое потомство?

О дети, прогоните чужаков,
Освободите землю от оков.

Доколе будет жребий мой печален?
Доколе буду я страной развалин,

Где чужеземец поселил сову?
О дети, вас на подвиг я зову!»

Решили: нашей цели мы достигнем,
Когда Державу Счастья мы воздвигнем.

Свободы мы желаем, люди Индии!
Явились к Гималаям люди Индии,

Предстали мы с мольбой на горном склоне,
Сказали, на груди сложив ладони:

«Где Государство Счастья? На земле
Или на небе, в запредельной мгле?

Вы, Гималаи, выситесь, как судьи,
Земное озирая многолюдье,

Вы наградили нас извечным Шивою:
Он, чтобы жизнь людей была счастливою,

Испил весь яд, назначенный для нас,
Став богом, человечество он спас.

Из облака, что над хребтом дымилось,
Явилась Лакшми, нам даруя милость,—

Богиня верности и доброты.
О Гималаи, гордые хребты,

Забудьте вашу давнюю гордыню,
Освободите Индию-рабыню!

Вы дороги и людям и богам.
Зачем же благосклонны вы к врагам?

Или, вершины в небеса вздымая,
Вы для народа — призрачная майя?

Но мы, во тьме блуждая, жаждем зарева,
Нам нужен Город Счастья, а не марево!

Невольники в отечестве своем,
На родине без родины живем.

Живем и обливаемся слезами,
А умираем — нас ввергают в пламя,

Бросают кости с мясом в Ганг святой,
И мы для рыб становимся едой.

Но пусть живет живое для живого,
Пусть не цветет родное для чужого!

Струится Ганг то в травах, то в песке.
Из Дехрадуна мы пришли к реке.

Вы создали наш город, Гималаи.
О чем же он мечтает в горном крае?

Как Индия, светла и широка,
Всегда в движенье славная река,

А Дехрадун — безвестен, тих и зелен —
Как бы застыл средь вековых расселин.

Но, друг от друга так удалены,
Они одни и те же видят сны,

Одна у них мечта, исток единый —
Святые гималайские вершины.

Река-газель раскрыла робкий взор,
А Дехрадун — как рана в сердце гор.

Избавьте же обоих от кручины,
Святые гималайские вершины!

Иль вы, печалась о судьбине Индии,
Безмолвней сделались рабыни-Индии?

Вы почему притихли, великаны,
Когда шумят над вами ураганы,

Идут над вами тучи, влагой полные,
Грохочут громы, и сверкают молнии,

И разом сорок вспыхивают радуг,
Вселенной нарушая распорядок?

Трепещет вешний ветер, к вам припав.
Добрее барс в объятьях ваших трав.

Вы — Индии защита вековая,
Ее величье и броня живая.

Явите же свою святую мощь,
Даруйте нам свободы светлый дождь!

О вас мы знаем множество поверий,
И вот одно: есть за вершиной двери,

Их не нашел ни человек, ни зверь,
А за дверями есть другая дверь.

Кто обойдет вершину гималайскую,—
Отыщет эту дверь в обитель райскую,

Там, где небес лазоревые своды,
Пред ним откроется страна свободы.

Пора в дорогу нам, пора, пора
Идти в страну свободы и добра!

Поднимемся над тучами ненастья
И дверь откроем в Государство Счастья».

В ПУТИ

Все дни и ночи размышлял Пратап:
«Как вырвать родину из цепких лап?»

И он решил: «Я Индию покину,
За правдою отправлюсь на чужбину.

Быть может, научусь в чужом краю,
Как сделать вольной Индию мою?

Как сделать так, чтоб нищие крестьяне
Воспрянули в несчастном Индостане?»

Он взял с собой в дорогу двух друзей:
Их твердость делала его сильней.

Верны отчизне, были оба друга
Ему — как бронь, как прочная кольчуга.

Греха не ведал Баракатулла,
Бессребреник, чья цель была светла.

Все каверзы предвидел он заране,
Был кладезем премудрости и знаний

Был спутником вторым Убайдулла.
Во имя бога он свершал дела.

Он стал в дороге посохом для друга,
Он стал лекарством от его недуга.

Дабы несчастья не было в пути,
Испили воду Ганга из горсти,

У Шивы попросили благостыни,
И, гималайской поклонясь святыне,

Сказав «прощай» душе родной земли
И омовенье совершив, ушли.

Кружилась их тропа над крутизною,
А смерть у них дышала за спиною.

То молча, то о времени беседа,
То тяжело, то бремени не ведая,

Пешком, верхом, в сообществе с орлом,
Они на север двигались втроем.

Они встречались с горными вершинами,
Как будто со знакомцами старинными.

Хотя порой внушают горы страх,
Прозрачна высь и воздух чист в горах.

Хотя в них гибель есть, но есть отрада —
С горами только подружиться надо!

Молчат их рощи утром и в ночи,
Но говорливы речки и ключи.

Там водопад грохочет невозбранно,
И гром его — как музыка органа.

Хотя гора безмолвна, как затворница,
В ее душе огонь с водою борется.

Лишь горный путник быть в горах достоин,
Как на полях сраженья — смелый воин.

Пусть блещут горы венценосной славою,—
Вулкан их обезглавит гневной лавою.

Не бессловесны камни гор, о, нет:
Лишь крикни — эхо прогремит в ответ.

У гор есть сердце, и язык, и разум:
Иди, внимая мудрым их рассказам!

Овринги ¹, осыпи, на травах лед.
Тропа то скачет вниз, то вверх ползет.

Хребты — в снегу — глядят глазами строгими,
А Индия — все дальше, за отрогами,

И слышится ее призывный голос:
«Я за свободу столько лет боролась!

Да будет сильной ваша правота,
Да будет жизнь недаром прожита!»

Иль это мать зовет и учит сына:
«Не знает страха истинный мужчина».

Иль это просьба и наказ возлюбленной:
«Верни свободу родине загубленной!»

Иль павшие в борьбе за волю предки,
Как руки, к путникам простерли ветки?

И вот — Хайбар. Подножье солнца здесь.
Ты говоришь: «Вал Македонца здесь!»

И сердце бьется жарче, учащенное:
Граница рабства здесь, рубеж колонии,

Граница жизни темной, подъяремной,
Граница власти грубой, чужеземной.

¹ Овринг — тропа, проложенная на колыях, вбитых в расщелины скал.

Смотри: седло горы у рубежа
Бесправья, беззаконья, грабежа,—

До этих самых мест дошла империя
Жестокости, предательства, лицемерия.

Кончается насилие иностранцев,
И начинается земля афганцев,

Земля людей с отважною судьбой,
Земля, что не хотела стать рабой.

За эту землю с яростью утроенной
На битву шли сыны народа-воина,

И в пропасти чужой для них земли
Свою могилу недруги нашли.

Здесь дрался каждый кустик, каждый выступ,
Бросались камни острые на приступ,

Здесь недругов уничтожал обвал,
Здесь водопад, как всадник, воевал,

Здесь колос был копьем, и здесь на страже —
Борцов вольнолюбивое бесстрашье.

Здесь давний враг познал могильный мрак,
Но он же — Индии коварный враг!

Пратап вдыхал отрадный воздух края
И думал, эту землю озирая:

«Ужели тропы праведной войны
Для нас короче, более верны,

А мы неверный, долгий путь избрали?»
Пратап на отдых стал на перевале,

И к другу он пришел, к Амануллэ¹,
Пристанище нашел на той земле.

¹ Аманулла-хан — афганский эмир (1919—1926) и падишах (1926—1929). Провозгласил полную независимость Афганистана и в 1921 году заключил с Советской Россией договор о дружбе.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРАТАПА

И в Мазари-Шерифе и в Кабуле
Друзья вокруг него ряды сомкнули:

Имеющее знамя и печать
Правительство Пратап решил создать.

Сказал: «Правительство Всечеловечества
Я создал за пределами отечества.

Хотим трудиться для родной страны,
Где будут все свободны и равны,

Не будут люди враждовать жестоко,
А будут пить из одного истока.

Чтоб убивать, не следует рожать,
Чтоб созидать, зачем уничтожать?»

Он в Индию воззвание направил:
«Я для того правительство возглавил,

Чтоб чужаков из Индии изгнать,
Едины все: простой народ и знать.

Мы победим, не проливая крови.
Равны и близки люди всех сословий,

Всех верований, классов, каст и рас:
Любовь, любовь объединяет нас!

Бойкот объявим чужеземной власти,
Пусть в Индии восторжествует счастье.

Ведь Индия для нас — источник благ,
Земля отцов, приют, родной очаг,

Наш сад, что многих манит и чарует,—
Но пусть плоды он только нам дарует.

Отчизне без любви служить нельзя,
Мы жить хотим, но в рабстве жить нельзя!

Чтоб Индия не стала пепелищем,
В борьбе с врагом союзников отыщем:

Да нам спастись помогут поскорей,
Сто запертых откроют нам дверей».

Как долго верил он пустым химерам!
И вот на слитке золотом, размером

С почтовую открытку, как собрат,
Царю письмо послал он в Петроград.

Спасти от гнета Индию желая,
Он помощи просил у Николая!

Но царский двор молчал. В конце концов
Пратап узнал, что царь его гонцов

Арестовал: властям колониальным
Он выдал их... Пратап с лицом печальным,

И болью и обидою горя,
Узнал о злодеянии царя.

О, где же друг, людским теплом согретый,
Который слушал бы, давал советы

И чья б душа страдальца поняла!
Изгнанник понял: то Амануллá,—

Он вел борьбу с врагами неустанно
За независимость Афганистана.

С надеждою на мир Пратап взглянул,
И к другу он отправился в Кабул:

Совет потребен в деле, а иначе
Не будет в деле никакой удачи.

То на заре, то сквозь ночную глушь
Он шел в столицу через Гиндукуш.

Пред ним застыли горы вековые,
Как независимости часовые.

Хребты оделись в утренний туман.
Верблюдов поднимался караван,

Их колокольцы издали звенели
И повторялись в глубине ущелий.

В России куплен был торговый груз,
А продавал афганцам «Афганрус»

Мануфактуру, сахар, спички, мыло —
Все, что стране тогда потребно было:

Привыкли видеть скалы и ущелия
Российские фабричные изделия.

Вожатый каравана был старик.
Он к спутнику индийскому привык:

На ослике — вожатый каравана,
На лошади — мудрец из Индостана.

Верблюды шли, топтали травы жесткие.
Как бы для выпечки лепешек плоские,

Округлые подушки, — на дороге
Круглились плоские верблюжьи ноги...

Ноябрь. Спускаются, страшась снегов,
Кочевники с заоблачных лугов.

Ноябрь. Вокруг луны блестит свечение,
Оно — зимы предвестие осеннее.

Ноябрь. Пустеет горная гряда.
Уводят чабаны свои стада.

Ноябрь. Стареет лик цветущий сада:
Его не красит время листопада.

Ноябрь. Мелеют реки, родники,
И солнца не боятся ледники.

Зверь прячется в нору, в гнездовье — птица,
Медведь в берлогу на́долго ложится.

Светлее небо, на земле — пора,
Когда полны речушки серебра,

А сверху сыплет Млечный Путь жемчужины...
Во сне жуют верблюды после ужина,

И караванщик, разведя костер,
С Пратапом начинает разговор.

Сказал он: «Слухами полна вселенная.
Есть в мире новость необыкновенная.

Ее привез я с берегов Аму,—
Да будет радость сердцу твоему.

В России свергнут царь — палач кровавый,
И сам народ теперь — глава державы.

Всем слышен революции язык.
Стал во главе России большевик.

Он — Ленин. Он — крестьянин. Он — рабочий.
У Ленина всевидящие очи.

Он бедным людям государство дал.
От всех болезней он лекарство дал.

Нет Ленину подобных или равных.
Он — вождь униженных, оплот бесправных.

Он безземельных наградил землей,
Он вывел русских из неволи злой.

«Мир хижинам, война дворцам!» — сказал он.
«Смерть трутням и хвала творцам!» — сказал он.

Для раджи, озаренного костром,
Речь старика была как вешний гром.

Пратап сказал: «Я ждал, блуждал я много.
Отныне к Ленину моя дорога.

Приду в Россию с давнею мечтой,
С надеждой юной Индии седой».

СОЛДАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

Пески. Земля пустыни заскорузла.
Река Аму меняет часто русло,

И волны, поднимая водоверть,
Дробят песчаную земную твердь.

Река Аму, вскипая, разбежалась,
И ни к кому не ведома ей жалость.

Она звалась Джейхуном в старину.
Она стремится с вершины быстрину.

Она бежит с высот Памира в степи,
И волны скручены ее, как цепи...

Переправлялся чрез Аму Пратап.
Гостей ждал на границе красный штаб.

Внимательно, от самой переправы,
Пратап смотрел, смотрел на берег правый:

С друзьями ли, с собой наедине,
Как долго он мечтал об этом дне!

Вдоль лодки волны пенились речные.
На лодке трепетал флажок России.

Впервые понял он, что вечно молодо
Соединение серпа и молота!

Взошла десятидневная луна.
Земля борьбы отчетливо видна.

Легли на воду золотые полосы,
А ветер развевал Пратапу волосы,

И брызгала в лицо речная пена.
Яснеет правый берег постепенно.

Был выстроен почетный караул:
Об их прибытие известил Кабул.

Ступили дети Индии на правый,
На берег правды молодой державы.

С почетом, уважения полна,
Их встретила Советская страна.

Вот каковы свободы часовые!
Индийцы их увидели впервые.

Буденовки солдат-большевиков —
Как шлемы витязей седых веков,

А звезды на сукне пятиконечные —
Как человечества мечты извечные.

То были революции солдаты.
На тех — шинели, на иных — бушлаты.

То были те, кто шли на Зимний в бой,
Взметенные крылатою судьбой,

Кто с берегов Невы тропой солдатской
Пришли на берег среднеазиатский.

На доме, что стоял с времен царя,
Пратап прочел при свете фонаря

Слова: «Соединяйтесь, пролетарии!..»
О новом возвещали буквы старые,

На старом, на таджикском языке.
Но кто это стоит невдалеке?

То Ленин. Он одет по-старомодному,
Он радуется празднику народному

И честь московским людям отдает.
Взволнованно выходит гость вперед:

«Вождю пролетарьята мирового,
Я вам принес взыскующее слово

От Индии. Народ мой — бедный раб».
Так мысленно сказал ему Пратап,

Как бы забыв, что при вечернем свете
Он Ленина увидел на портрете...

К столу одной из воинских частей
Безусый комиссар позвал гостей.

Устали гости. Ноги их разбиты,
И пылью странствий головы покрыты,

Но им успокоенье принесло
Гостеприимства честное тепло.

Сказали: «Не забудем этой встречи.
Мы ценим русское добросердечье.

Ваш край, что стал для всех людей родным,
За благодать мы благодарим.

Мы знаем, что от вашего порога
Нам будет легче к Ленину дорога».

*
* * *

В те дни, когда преображался мир,
Еще бухарский властвовал эмир.

Еще ножи вонзались людям в горло,
Над Бухарою крылья тьма простерла,

А город был огнем беды палим,
И той бедою был эмир Алим.

От минаретов пахло смертным смрадом,
А сеял смерть эмир единым взглядом,

И кровью пахли улицы, и высились
Столбы сооруженных наспех виселиц,

И выносил измученный народ
Носилки с мертвецами из ворот:

В обличии холеры смерть порою
Угрюмо шествовала Бухарою...

Гудком протяжным разбудив Восток,
Шумел Каган, рабочий городок,

Поблизости от Бухары вельможной,
Сливая грохот железнодорожный

С речами и делами революции:
В нем клокотало пламя революции,

И знали все окрестные дехкане,
Что власть большевиков была в Кагане.

Пратап услышал, как бурлит страна.
Он видел из вагонного окна

Людского моря жаркое волнение,
Папахи из Хорезма и Туркмении,

Буденовки, и шапки из цигейки,
И кепки, и чалмы, и тибетейки.

Смотрел он вслед солдатам революции,
Чья песнь была набатом революции,

И песнь мужала, старый мир поправ.
А в это время юноша Пайрав,

Наш будущий поэт, уже, быть может,
Знал, что стихи об Индии он сложит.

Из Бухары — к иному рубежу —
Он шел в Каган, одетый в паранджу:

Так, обманув бухарское страшилище,
Он утром шел в реальное училище

В наряде женском, — этот ученик,
Который русский полюбил язык.

Чтоб нанести удар средневековью
Бухарскому, он изучал с любовью

Язык, чью правоту познал Восток.
Иль к Ленину хотел он, как ходок,

Прийти как бы из мрачного былого,
О Бухаре свое поведать слово?

Когда смотрели гости на Каган,
Жил в кишлаке гиссарском мальчуган.

Он был травинки пыльной незаметней,
Тот деревенский мальчик восьмилетний,

Чья тюбетейка синяя была,
Как медресе и неба купола.

Он жил в селенье, полном горной мглою,
Он был как раб с серьгой перед муллою,

И наизусть заучивал коран
В кишлачной школе этот мальчуган.

Когда седьмую часть его прочел он
И до суры¹ «Аламнашрах» дошел он,

К его рукам привязан был пенал,
И, обходя родных, он собирал —

По денежке — учителю дарение,
Как надоело мальчику зубрение,

Превозносить всевышнего хвалой,
Склонившись на коленях пред муллою!

Везде воюют бедный и богатый,
Везде громов неслыханных раскаты,

Огнем земли все небо обожглось,
И бури сдвинули земную ось,—

Лишь горное селение глухое
Еще живет в губительном покое,

Еще борьба грохочет вдалеке
От мальчика в гиссарском кишлаке.

Меня учили взрослые сурово,
Что бренна мироздания основа,

¹ Сура — глава корана.

Что люди — прах в гончарной мастерской,
Что вязнет в глине жалкий род людской.

Лишь речке я внимал в холодном мраке
Да слышал вместо песни лай собаки.

Но видел: тучи тают, сердце радуя,
Но видел: звезды вздрагивают, падая,

Но видел: постоянства в мире нет.
За ночью следом движется рассвет.

На перекрестках улиц краем уха
Ловил я речи, сказанные глухо:

Придет к нам Ленин! Ленин к нам придет!
Он свергнет эмират, разрушит гнет!

Он — разум жизни. Он с врагами гневен,
С друзьями задушевыми душевен.

В моих ушах звенела эта весть:
Есть Ленин — значит, свет и счастье есть!

Будь я тогда смышленей да взрослее,
Я тоже в путь пустился бы смелее,

Индийцам я б служил проводником,
Прилежным был бы их учеником,

Для них бы чай заваривал зеленый,
Поил бы лошадь их водой студеной...

Ишак был в нашем доме. Как медведь,
Мне сильным он казался... Вот надеть

Узду бы на него — и через горы
Во весь опор мне в путь помчаться скорый.

Ногами не касался б я земли,
Мне люди бы в дороге помогли.

Предстал бы я перед вождем великим,
Поведал бы, как тяжело таджикам,—

Я твердо знал, что я б нашел слова:
Со мною были б Ленин и Москва.

И с ленинским советом и наказом
В родные горы я б вернулся разом

И, маленький наставник бедняков,
Учил бы молодых и стариков.

Сказал бы я полям, в горах зажатым,
Сказал бы я рассветам и закатам,

Сказал бы я ключам и родникам,
Сказал бы молодым и старикам:

«Вставайте от Гиссара до Памира!
Не надо нам ни хана, ни эмира!

Ломайте все преграды, как река,
Что сделалась грозна и широка!»

* *
* *

Пратап в вагоне двигался к России,
А мальчик складывал стихи впервые.

Стремился раджа в красную Москву,
А мальчик первую шептал строфу.

Был Кремль для раджи целью и стремленьем,
А мальчик бредил рифмой к слову «Ленин».

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

Пратап вступил седьмого мая в Кремль.
Осматривая, постигая Кремль,

Он думал о его старинных храмах,
О самодержцах грозных и упрямых,

О том, как Русью управляли встарь
Царь-Колокол и Пушка-государь.

С индийцами-друзьями, потрясенный,
Он вглядывался в древние иконы,

Но видел: Русь пошла тропой нехоженой —
В косынке красной или в куртке кожаной.

Он видел: в Кремль со всех концов страны
Текли крестьян худые зипуны,

Халаты, кепки, горские папахи...
Народ в своем невиданном размахе,

Дыша фабричной, сельской новизной,
Вливался в Кремль и управлял страной.

Там, в Индии, кончая век увядший,
Живут в чертогах раджи, магараджи,

А здесь в дворцах — деревня и завод:
Самодержавно правит здесь народ.

Здесь — новый век, здесь строит зодчий новый
Державы новой прочные основы,

Здесь Ленин — воля власти трудовой,
И смысл ее, и дух ее живой.

На третьем этаже — да вот он, третий,—
Их Ленин ждал в рабочем кабинете.

Пратап запомнил: «Средь трудов и дел
Вошли мы. Ленин к нам лицом сидел.

Из тех, кто были в этом кабинете,
Один лишь я живу на белом свете...

Увидел: стульев — пять, а нас-то — шесть,
Он кресло из угла придвинул, сесть

Учтиво предложил с собою рядом.
Он был подвижен, быстр, с пытливым взглядом».

Спросил он по-английски ходоков:
«Какой мы предпочтем из языков —

Английский ли, немецкий ли, французский,
Иль будем разговаривать по-русски?»

Пратап сказал: «Английский». И потом
Добавил: «Вы сотворены вождем,

Чтоб высшее духовное начало
Судьбу людей труда преображало».

А он в ответ на это утверждение:
«Всего лишь ваше частное суждение!»

Он кратко мысли изложил свои:
«Прочел ваш труд — «Религия любви»:

Толстовство...» Был сердечен, откровенен.
Сказал индийцам с убежденьем Ленин,

Что скоро пробудится Индостан:
Ведь близко Русь рабочих и крестьян.

Плечом к плечу в революционном стане
И мусульмане и немусульмане

Под знаменем да встанут боевым.
Мы здесь, в России, искренне хотим

Единства всех трудящихся Востока.
Тогда-то гнет, что властвует жестоко,

Низвергнут будет — и воспрянет Азия,
Могучей и свободной станет Азия...

Не знаю, дней перебирая звенья,
Что думали индийцы в те мгновенья,

Но знаю: мысли ленинской разбег
Запечатлелся в их душе навек.

Но знаю: не забыл Пратап счастливый
Улыбку Ленина и взгляд пытливый,

Его неповторимые черты,
Светившиеся силой правоты.

ЭПИЛОГ

Взобравшись вновь на плечи Гималаев,
Я вновь услышал речи Гималаев,

И Ганг опять беседует со мной
Своей плавно текущею волной.

Я вижу свет, над горным краем брезжущий,
Опять Пратапа вижу я прибежище.

Здесь, в Дехрадуне, в тишине индийской,
Есть домик маленький под крышей низкой.

Один бурьян растет вблизи жилья,
Не видно роз, не слышно соловья:

Не царская судьба ему досталась,
Но раджи здесь благословенна старость.

Свободе дни его посвящены.
Он здесь живет без близких, без жены.

Живет он бедно, как отшельник в келье,
И в бедности он черпает веселье:

Диван, да стол, да легкая скамья,
Да книг старинных дружная семья.

Сейчас я старца доброго наведу, —
Да наградит меня своей беседою.

Я вижу: на столе и на циновке —
Воззванья, а по-нашему — листовки:

Так четверть века в Индии родной
Он с миром говорит и со страной, —

Во всем он ищет меры и порядка,
Свой символ веры излагает кратко.

Он требует: «Пора покончить с войнами,
Чтоб сделались пути земли спокойными».

Охваченный заботами своими,
Он и мое вписал в брошюру имя:

«Был у меня такой-то, мол, таджик,
Поэт, по всем приметам — большевик».

Мой друг Пратап, я был у вас, конечно,
Сказали вы, что любите сердечно

Мою страну, что Индии расцвет
Есть Ленина возвышенный завет.

Я обещал и вас, и наше время,
И Ленина воспеть в своей поэме

И — хорошо ли, худо ли — как мог,
Все высказал, что я в душе сберег.

Ваш образ очертил по мере сил я,
Вас коммунистом не изобразил я.

Вы путь избрали, богом заповеданный,
Но сердцем вы людским заботам преданы.

Давно вы перестали быть владельцем,
Вы роздали всю землю земледельцам

И бедности едите хлеб сухой:
Вы сами жребий выбрали такой.

Хотя оружие ваше — ненасилье,
Вы гнета и позора не сносили,

И ваша цель всегда была светла,—
И раджу к Ленину она вела...

Закат, как селезень багряноперый,
Плывет, уходит за холмы и горы.

Вечерний сумрак реет над рекой.
Пора и нам Пратапу дать покой.

«Товарищ, до свиданья!» — произносит
Пратап по-русски, вновь приехать просит,

И Гималаи, чей теплеет взгляд,
«Товарищ, до свиданья!» — говорят.

1968—1970.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вступление	3
Ласковое слово и змею выманит из логова	4
Рассказ о фазане и ястребе	5
Нашествие девушек	6
Зов земли	9
В пути	12
Правительство Пратапа	16
Солдаты революции	20
Встреча в Кремле	26
Эпилог	29

Мирзо Турсун-заде
ОТ ГАНГА ДО КРЕМЛЯ

Редактор — **П. А. КРАВЧЕНКО.**

Технический редактор Я. М. Борисов.

Сдано в набор 15/II 1971 г. А 00550. Подписано к печати 6/IV 1971 г.
Формат бум. 70×108¹/₃₂. Объем 1,40 условн. печ. л, 1,28 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 873. Зак. № 454.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

**ПРИБРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕИ!**

В нашей стране ежегодно издается громадное количество книг самого различного содержания. Только в Российской Федерации в прошлом году было выпущено 47 130 книг и брошюр общим тиражом 1 миллиард 5 миллионов 184 тысячи экземпляров.

● Довести это колоссальное книжное богатство до широких слоев городского и сельского населения возможно лишь при активном участии общественности и самих книголюбов. Хорошей формой массового вовлечения их в эту работу служит книжная лотерея, проводимая Комитетом по печати при Совете Министров РСФСР с марта 1965 года.

● Книжная лотерея проводится исключительно в интересах советских читателей. Ее отличительная особенность состоит в том, что она постоянно действующая. В соответствии с утвержденным положением ежегодно проводится по 4 выпуска лотереи, общая сумма которых составляет 20 миллионов рублей. Для этого изготавливается 80 миллионов лотерейных билетов достоинством в 25 копеек.

● В каждом выпуске 6 миллионов 900 тысяч выигрышей на 4,5 миллиона рублей: выигрыши в 50 копеек, 1 рубль, 3 рубля и 5 рублей. Общая сумма выигрышей составляет 90 процентов к стоимости всех реализованных билетов.

● Вторая, не менее важная особенность книжной лотереи состоит в том, что у нее нет тиражей. Выигрыши заранее заложены в опечатанном билете. Каждый обладатель «счастливого билета» может отоварить его на месте, или в любом другом книжном магазине, или в киоске в течение всего срока действия данного лотерейного билета. Иными словами, читателю предоставлено право самому выбрать любую книгу или, скажем, эстамп, альбом для марок или набор художественных открыток.

ТОВАРИЩИ! ПРИБРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕИ!

